

Потому и радостно!

Из записок директора школы

Загид ШОЮБОВ, директор Халданской средней школы, народный учитель СССР

Несколько лет назад наши коллеги из «Учительской газеты» провели заочный «круглый стол» по теме: «Учение и труд — как их соединить?» Учителя, учёные, родители высказывали свои мнения. И. Попов (учёный-педагог): «...В принятой реформе (речь идёт о реформе школы, предпринятой при Ю. Андроповею. — Прим. ред.) чрезмерно много времени отводится на «производительный труд». Это идёт прямо в ущерб общеобразовательной подготовке». Ветеран войны и труда А. Андреев: «По окончании средней школы ученик должен уметь мыть, красить, белить, штукатурить, стирать, гладить и чинить бельё, владеть основными плотницкими, столярными и слесарными инструментами, вязать, шить и вышивать, топить, чистить печные дымоходы, пилить, колоть, производить ремонт бытовых электроприборов, ухаживать за домашними животными, выращивать овощи, сажать деревья, кустарники и ухаживать за ними, квасить, сушить, коптить, мариновать, варить варенье. Овладеть навыками одной или нескольких массовых профессий». А. Павлов, завуч школы: «А вот подход к делу Ю. Аверичева — начальника управления трудовой и профессиональной подготовки Минпроса СССР. В «Собеседнике» (1988, № 197) он отвергает предложение о ежедневном труде школьников: «Я хотел бы спросить... как вы это себе представляете? Улицы школьникам ежедневно подметать, что ли? Так даже тогда на всех не хватит — одним придётся мести в одну сторону, другим в другую...»

С тех пор прошло 13 лет, но позицию тогдашнего министерского чиновника разделяют и нынешние его коллеги, так и не определившие, каким продуктивным делом занять школьников. Разделяют её и многие директора школ.

В качестве ответа на этот вопрос мы решили опубликовать корреспонденцию народного учителя СССР директора знаменитой в своё время школы (такой же известной, как Мамлютская школа, Сахновская, А.А. Захаренко, как школа А.А. Католикова и др.) из азербайджанского пос. Халдан Загида Шоюбова. На наш взгляд, десяткам директоров она подскажет, что настоящее дело можно предложить ученикам в любой школе.

Сейчас те печальные годы уже далеко позади, но я их очень хорошо помню. В школе разброд и развал. Ребята открыто говорили: «Я не хочу учиться!» Даже способные мальчики и девочки получали двойки и спокойно на них реагировали. Ватагами уходили с уроков, вырезали на партах кому что хотелось, шумели и бегали на уроках. Из шестисот человек за один год 35 бросили учёбу.

В такое время коллектив выбрал меня директором школы, я хожу и думаю: с чего же начинать? Мне одно было понятно: школа должна привлекать к себе ребят. Здесь им должно быть хорошо. Интересно должно быть. А я видел: многих гнетёт однообразие, сидячая жизнь. Уроки, уроки... Но кому из ребят не хочется живой жизни, деятельности, участия в серьёзных делах? Говорим о воспитании. Да ведь самый хороший воспитатель — это деятельность. А какая есть в нашей дряхлой школе база для трудового, физического, эстетического воспитания? Школьные стены!

База нужна... Вот с неё, думаю, ты и начни. Сделай так, чтобы утром ребёнок проснулся и обрадовался, что его ждёт школа. И чтобы вечером ему не хотелось расставаться с ней.

Школа стояла на задворках. Между нею и рекой лежал дикий буграстый пустырь, весь он зарос колючим бурьяном. Смотришь — тоска берёт. А разве нельзя всё это преобразить, сделать так, чтобы душа радовалась? Чтобы раскинулся тут красивый стадион, появились плавательный бассейн, богатый сад, прохладные аллеи? И, конечно, пришкольный участок.

Он будет давать большие доходы.

Сказал я об этом учителям. Пожилая учительница отозвалась со вздохом:

— Загид-муэллим (учитель)! Богата, но безмерно тяжела та задача, которую вы предлагаете. Сколько работы ребятам!.. Они этого не выдержат. Вся школа разбежится.

Тут же стоял и биолог, который когда-то учил и меня. Он очень хорошо ко мне относился, но тут сказал хмуро:

— Я очень сожалею, но это... то, что планирует директор, это совершенно не выполнимо. Это нереально. Всё это действительно может плохо кончиться. Детям придётся работать, может быть, каждый день. Когда же им учиться?

Я не обиделся. Сказал, что всё это, конечно, очень нелегко будет сделать, но всё это нам нужно для жизни, для хорошего воспитания детей, без этого дальше двигаться нельзя.

Поехал в райисполком, заглянул к соседям-строителям, сказал так:

— Пусть у нас будет красивый школьный городок, а в нём красивый спортивный комплекс, а рядом — сад. Богатые плантации.

— А что нужно от нас? — спросили строители.

— Очень немного: один бульдозер. Лучше — два. Разровнять пустырь. Остальное мы сделаем сами.

Заработали на пустыре бульдозеры, собрались ребята, я им объяснил: хочу, чтобы у нас с вами была очень хорошая школа. И очень хороший стадион. Чтобы все мы росли отличными спортсменами — сильными, стройными, красивыми!

Как построить настоящий стадион, я не знал. Накупил брошюр, журналов, нашёл схемы, рисунки. Вычертил «генеральный план». Мне было важно, чтобы ребята «загорелись». Чтобы они выходили на работу с мечтой, с хорошим настроением. Кажется, мне это удалось. На работу — с лопатами, со шнурами и колышками выходили дружно. Кое-кто вначале работал вяло. Но общий порыв постепенно захватывал всех. Всем помогла мечта: здесь будет красиво, здесь начнётся новая, интересная наша жизнь! Но я понимал: дозировать труд надо очень точно. Чтобы ребят работой не «перекормить». Для этого надо было заранее хорошо подготовить весь фронт работ, до мелочей продумать расстановку сил, определить дневное задание. Очень важно!

Объём работы я давал такой, чтобы его можно было выполнить при интенсивном движении за очень короткое время. Так и получалось: кажется, только стали «входить во вкус» — и уже отбой! Конец работы. Это так потом и вошло во всю нашу жизнь. После короткой физической нагрузки идёт время умственного труда, и занимаются им ребята с удовольствием! Я это давно знал — вырос в таком труде.

Бывали и конфликты. Иные папы и мамы поднимали настоящий бунт: зачем детей работой нагружать — школа не для того существует, в школе детям надо учиться! Гневало и просвещенческое начальство: что это за выдумки такие, на каком основании и зачем это надо? Объяснялся, терпел...

Почти два года мы строили и охорашивали свой стадион. Эта стройка стала для всех ребят школой не только трудолюбия. Она воспитывала в них дух созидательства, стремление преобразовать, украшать окружающую жизнь. Мальчики и девочки наши ходили по обновлённой земле настоящими хозяевами.

Каждый день я потом приходил на стадион и в плавательный бассейн, чтобы любоваться ребятами. Смотреть, как они тренируются, как учатся плавать, как меняются у них и осанка, и манеры, и крепость мышц. Для меня это — как театр. Здесь мне даже интереснее, чем в театре.

Но нам нужна была постоянная трудовая база. Рядом со стадионом мы заложили питомник-розарий и питомник для выращивания саженцев тополей и чинар.

Объясню, почему розы и почему саженцы.

Розы — это радость и красота. И очень выгодная в школьном хозяйстве культура. Выращивать саженцы сортов роз из черенков очень несложно и интересно. Дело как раз для школы.

А саженцы тополей дороги по-своему. Степной зоне Азербайджана для озеленения бе-

регов рек и каналов, сельских улиц их нужно очень много. Лесхозы выращивать их в таких количествах не могут. Это забота на долгие годы. А нам она тоже в самый раз. Из прутиков за лето мы можем вырастить до 80 тысяч саженцев. Это несложно. Лесхоз принимает их по сорок копеек за штуку. 80 тысяч — это 32 тысячи рублей за одно лето. Не имея с весны ни копейки в кармане!

Растут саженцы — растут с ними и молодые хозяева. Хозяева широкого плана! Они ведь работают на озеленение республики, они работают и видят её одетой в чудесный зелёный наряд.

Конечно, школа наша стала богатой. Новое здание выстроили. Теплицу огромную — это целый дворец. Дворец труда! Там работают и первоклассники, и ребята постарше — выращивают столовую зелень, сверххранние огурцы, помидоры, а летом — черенки роз. Дворец наш приносит школе тоже многотысячные доходы и растит замечательных трудолюбцев.

Великое дело — труд, соединённый с учёбой! Забот у меня много, и уже не молод я, но хожу радостный.

Одно печалит — что и доньше плохо распространяется в стране опыт трудовых школ. «Безмозольной» педагогике должен прийти конец.

Должен! И пусть он придёт как можно быстрее!